

**Группа SilverCast представляет
фантастический рассказ
по мотивам музыкального альбома «Chaos Engines»**

ИМЯ ХАОСА

ГЛАВА 1

Уличный шум стих, когда она закрыла за собой дверь. Без всяких сомнений, показывать свадебное платье до церемонии было до смешного глупым, но она всё же не смогла сдержаться. Стараясь не шуметь и не выдать себя жениху слишком рано, она прошла в коридор. В комнате впереди горел свет.

Отходя от станции, поезд набирал скорость, рассерженно фыркая паром. С той стороны, куда выходило окно единственного пассажирского купе этого грузового состава, садилось, словно проваливаясь в огненную бездну тёмных густых облаков, солнце. Свет стремительно мерк, но отсюда, из ярко освещённого помещения, мастеру казалось, что снаружи стемнело уже совсем, и только багровая полоска зари ещё выделяется, напоминая собой провал в мифическую бездну Хаоса. На фоне этой необычайно яркой закатной зари какими-то неестественными остовами волшебных чудищ казались уходящие назад, но всё ещё различимые мостовые краны сортировочной станции.

Старый мастер усмехнулся своим мыслям. Он питал странную симпатию к поездам отчасти из-за того, что в моменты закатных и рассветных зорь так любил наблюдать за пейзажами, которые таинственно преображались в их неярком, обманчивом свете. За свою жизнь он так часто перемещался с объекта на объект, кочуя вслед ожидавшей его работе, что должен был привыкнуть к поездам, смириться с ними так, как смиряются друг с другом старые супруги, застрявшие без любви и ненависти друг к другу в одной всепоглощающей бытовой привычке быть вместе. Но, видно, где-то в крепких старых руках, на грубых шершавых ладонях затерялась линия любви к тому моменту, когда поезд, отходя от станции, набирает скорость. И мир, прежде, чем начать нестись за окном, ненадолго и чудесно преображается. Эта симпатия – капелька личного.

После краткого предупреждающего стука, дверь, ведущая из купе в коридор, начала открываться. Оторвав взгляд от занявшего его было вида, мастер неуклюже приподнялся, чтобы поприветствовать своего попутчика. Вошел молодой механоид.

Он был совсем без багажа. Одежда его была чистой и очень дешёвой. Обе руки юноши были механическими, и по тому, как на нём сидела куртка, мастер безошибочно определил, что некоторые части торса также носят неорганический характер. Высокий рост, симметричное открытое лицо, аккуратно зачёсанные назад русые волосы.

Если это был его новый помощник, - а мастер был уверен в том, что это было так, - то соотношение механических и органических частей тела этого механоида полностью устраивало мастера.

Заметив намерение мастера подняться для знаков приветствия и уважения, юный механоид густо запротестовал, начал размашисто совершать их сам. Завершая церемониальную часть их знакомства многочисленными знаками подчинения мастеру, он осёкся на пятом или шестом, поскольку стал повторяться. Затем, заняв место напротив мастера, новичок долго сидел в молчании, то рассматривая украшенное обшарпанной позолотой и потёртым вельветом купе, то глядя в окно, думая о чём-то своём или не решаясь, наконец, представиться.

- Я вижу, вы бережёте левое запястье, юноша, - заметил мастер, отложив чайную ложку на блюде. Она немедленно начала дребезжать в такт стуку мощных колёс паровоза и влекомых им многочисленных вагонов состава.

- Да мастер, да... там почти сточился самоцвет

- Придётся ждать новый, - произнёс мастер, скорее, чтобы поддержать беседу. Тяжкий гул никогда не прерывающих свою работу цехов настигал их даже здесь, примешиваясь к обычному поездному шуму, словно какое-то диковинное эхо.

- Да, мастер, я жду... тридцать лет, но пока из центра ничего не прислали. Думаю, мне стоит отсоединить кисть, пока он совсем не раскрошился. Я много тренировался и обойдусь одной, мастер.

Ложка заливисто дребезжала, будто стремясь поделиться последними сплетнями со старым фарфором чайной пары. Чашку с блюдцем старик-хозяин упорно возил с собой с одного объекта, где ему предстояло работать, на другой. За тысячи и тысячи километров, испещрённых добычными станциями, обрабатывающими цехами и складами, которые все вместе представляли собой схему слишком длинной жизни мастера.

- Так не пойдёт, - резким голосом он оборвал юного механоида. В этом голосе чувствовались нотки стариковской сварливости. - Теперь вы мой новый помощник, и одноруким вы не будете. Ваш статус изменился, если вам ещё не сообщили. И теперь вы получите самоцвет вне зависимости от того, когда он будет у Ювелира. Теперь вам нужно ждать, а не тешить себя робкой надеждой, как раньше.

- Ждать... чей-то смерти, мастер?

- Новый цирконий.

- Турмалин, мастер.

Старик внимательно окинул своего спутника взглядом, будто после последней сказанной фразы вместо одного механоида перед ним резко появился другой.

- Вероятно, - резюмировал своё краткое размышление он, - поэтому мой новый помощник именно вы. Сколько в вас их? – Юноша впервые направил на своего попутчика прямой взгляд, прежде чем ответить.

- Все механические части, мастер. Даже между костяшками пальцев. Внутри голубые. На периферии – зелёные.

- Хорошо, - мастер снова взял ложечку и, добавив в полуостывший чай кристаллический подкислитель, начал медленно размешивать сероватую жидкость, продолжая смотреть на своего собеседника. - Вы вероятно знаете, что мой предыдущий помощник погиб при попытке пробной установки рабочего образца купола лепестковой развёртки, который мы сейчас везём в Храм?

- Нет, мастер, я этого не знал, - по соседнему пути пронёсся мимо поезд, походя обдав вагон мощным потоком воздуха. Механоид посмотрел на вздрогнувшее стекло и, не отдав себе в этом отчёт, зябко повёл плечами.

- Ну что ж, единственный камень, который остался целым в его теле, - зелёный турмалин. Все остальные раскрошились в пыль, я даже собрать её не смог, чтобы передать в инстанции. Помощник Ювелира сам приходил собирать их. Если они выбрали вас из-за особенностей вашего строения, то это глупо, честное слово, даже смешно сказать. Мы до сих пор не знаем, из-за чего произошел выброс энергии и почему уцелел именно турмалин. А я везу установку прямо в Храм. По их приказу, по их директивам, я подбираю на станции вас, а вы не знаете, куда едете и что вас может ждать. Единственное, что в вас есть и что должно защитить вашу жизнь, – их логические выкладки. Вам не страшно, что между вами и смертью стоит только чужая логика? Скажите мне.

- Если так решил центр, то это оптимальное решение, - мимо поезда пролетели огромные, ярко освещённые окна ночных рабочих помещений.

- Юноша, ваша кисть завтра будет в порядке – вы уже дождались нужной смерти, не прошло и дня. И, может статься, кто-то послезавтра заберёт то, что останется от вас. Если от вас вообще что-то останется, разумеется, а в этом я не уверен.

- Но может быть через три дня мою душу заберёт Ювелир? Может, этот купол лепестковой развёртки, чем бы он ни был, – это лучшее, что я сделаю в своей жизни, а,

может, мой дар – умереть за вас? Может быть, я навсегда останусь в Храме, и всё, что я когда-либо делал постоянно - днями, годами, столетиями, вдруг обретёт лучший, высший смысл, - механоид резко умолк, прервав неожиданно вырвавшийся из своего рта поток глупых слов. Стало стыдно, даже горько от своей несдержанности, совсем детской вспыльчивости, и совестно перед собственной душой за то, что ответы на все эти вопросы отрицательные. - Простите меня, мастер. Я просто долго ждал другого назначения, чем то, что я имел всю жизнь. Если теперь мой путь короток – пусть так.

- Ювелир забирает души лучших, юноша. Но он забирает их, не дав ни разу вспомнить о вершине их существования. Забирает сразу же, в момент наивысшего их достижения, каким бы благородным или подлым оно ни было. Вы мечтаете о красивой смерти, о вечной жизни в Храме? Наслаждайтесь текущей, и, если хотите знать моё мнение, я лучше соберу ваши камни и отдам их нужным механоидам по назначению, чем буду знать, что вы в цветной оправе сияете где-то на пятом парапете тридцать четвёртого корпуса для ночных молений о повышении выплавки стали в цехах поколения эннор, - мастер умолк, окончив отповедь, и шум поезда опять теперь прорывался на передний план, заполняя открывшуюся, словно зев вечности, тишину. - Хотя, - через несколько секунд добавил он тихим голосом, отхлебнув немного из чашки, - это хорошее место. Там чудно поют, вы знаете? Я бы слушал и слушал...

Масляное пятно расправляло свою мутную поверхность вдоль мозаичного пола открытой террасы третьего этажа и уже начало отражать глазки-бусинки звёзд, щедро рассыпанных по низкому небосклону. Ещё секунда, и оно добралось бы до босых ступней Коды, но та сделала следующий шаг, осторожно обходя по периметру огромного голема, рухнувшего тут же и теперь истекающего маслом, топливом и ароматом разбитых мечтаний, который был теперь для Коды единственной и такой приятной одеждой.

Мощный резак, выпавший из ошибочно открывшегося во время смерти голема внутреннего чехла, повредил самоцветную мозаику. Если бы покойник захотел при жизни, этот резак раскроил бы тело Коды в любом направлении прямо, волнисто или каким угодно витиеватым способом вплоть до фрактального узора, но этого не случилось. Как и многие до него, этот голем не захотел сражаться за свою жизнь. Он её продал. За сущую безделицу, как часто бывает.

Выбрав удачное место, Кода вскарабкалась по холодному панцирю и надавила на кнопки грудной панели в нужном порядке. Панель открылась, и, внимательно взглянув внутрь сложной схемы из трубок, шестерней, противовесов и иных деталей, Кода безошибочно определила необходимый ей блок, а в нём саркофаг для механического сердца. Запустив руку по плечу в нутро мертвеца, она наощупь открыла саркофаг и вытащила самоцвет, питавший своей силой этого механического работника. В своей жизни големы получают лишь два дара: камень-источник энергии и душу. Как первое связано со вторым, порой занимало Коду, но сейчас от этих размышлений её отвлек характерный звук, который происходил от соприкосновения самоцветной мозаики со стальными когтями.

- Как он всё время говорит, - нарушил молчание Дракон, почти бесшумно вынося на террасу своё огромное тело, полное молчаливого, но смертоносного для его врагов, изящества, - «Что сегодня видело твоё зеркало, Соблазнительница?» А ты отвечаешь ему: «Величие Создателя, сотворившего моё лицо.» - в его спокойном голосе, тронутом скорее сожалением, чем злобой, Кода всегда чувствовала угрозу. - В этих зеркалах мы видим величие Создателя, сотворившего звезды, - закончил Дракон, мельком взглянув на кроткие белые веснушки небосвода.

Едва уловимые отблески обрисовали его вытянутую морду: круглые сапфировые глаза, длинные волнистые усы, полоса алмазной крошки от ноздрей к темечку, пластинчатый гребень. От головы до кончика хвоста механический страж был настоящим

произведением искусства, выдававшим своей красотой то, как долго и кропотливо трудились над ним умелые и заботливые руки.

Когда небрежно оглянулась на телескоп, уже настроенный и ожидавший своих астрономов.

- Всё глупости, - бросила она, с небрежной грацией спрыгнув с массивного защитного панциря, и подняла с пола край изумрудного шелкового платья, пока до того не добралось разлитое масло. - Когда за ними нужно будет наблюдать, придёт Звездочёт. Големам заниматься этим всем нечего, - приблизившись, она положила миниатюрную кисть на холодную стальную морду. - Ты выглядишь моложе, чем при нашей прошлой встрече. Я слышала, так приходит старость, Дракон. Ты хочешь выглядеть всё лучше, всё более юным. Ты думаешь, если зеркало соврёт тебе, то и ты себя сможешь обмануть. Ты думаешь, что звёзды в зеркалах тебя спасут от смерти? Тебе прощают эту блажь. Но как ты думаешь – отключение автоматического механизма повиновения тебе простят? Дракон? Ведь я пришла за этим дураком потому, что дистанционно его отключить не смогли.

- Проверять мои механизмы могут только Первожрец и Конструктор.

- Верно, да вот копаются-то в них всё больше Ювелир. На что ты надеешься, старый мечтатель? Что он тебя спасёт? Кстати, ты слышал, - беспечно начала она, порывисто убрав руку от морды Дракона, и начала обходить массивное металлическое тело, украшенное сложнейшим филигранным узором, скрывавшим тысячу и один секрет смерти, - у Ювелира большая удача. Невероятная находка, мы так гордимся этим! – Она щебетала, глядя тёмный узорчатый бок своего собеседника. - Ты ни за что не поверишь, узнав, что он нашёл. Ты тоже будешь рад, ты этого ждал так, как не ждали мы, - еле уловимая вибрация подсказала Коде, что шутка удалась, поскольку Дракон напрягся, ожидая услышать заветное слово. - Ювелир нашел александрит. Первый за многие тысячи лет. Тебя ещё не собрали, а он его уже искал. Ты рад за друга, Хранитель? Ты сможешь первым поздравить его! Это была душа женщины воительницы. Он забрал её прямо на вершине горы из трупов её поверженных врагов! Как на картинках рисуют – очень мило! Он убивал её, а она кричала: «Ювелир! Ты видишь мою душу!» Если спросишь меня – такой идиотизм, и правда, изысканная редкость. А какова ирония судьбы... александриты попадают куда реже алмазов. И вот, он нашел его, эту редкость из редкостей, а для тебя, единственного друга, он никак не может найти алмаз даже минимально допустимого значения. Всё нервничает, ищет, но в его руках остаётся только пепел. Видимо, нет в мире уже той чистоты.

- А ты поплачь обо мне, Коде. Только не перед своим зеркалом, умоляю тебя. Бедная стекляшка, наверно, уже насмотрелась этого так, что была бы живой – удавилась с тоски.

- Ты прав. Я пойду, погляжу на себя в зимний сад, - ещё более небрежно бросила она, ступая под темную сень высоких каменных сводов, соединённых между собой железными передвижными платформами, которые негромко гудели, прогоняя через свои сосуды-трубы пар под огромным давлением.

- Не смей, - и в спокойном голосе угроза, которая всегда мерещилась Коде, стала явной. Соблазнительница остановилась и медленно повернулась к Дракону. Её верхняя губа приподнялась, обнажая клыки, а взгляд уже нашел зазор между защитными пластинами шеи там, где закрытые в короб трубки подводили питание и охлаждение к мыслительному центру Хранителя. Острые когти Дракона вонзились в пол, раскрошив разноцветные каменные плиты, и ушли глубже, проходя через камень, как сквозь мокрый песок.

- Ты старый и слабый. Ты сорвался, - где-то в глубине коридора клапан сбросил лишний пар, и одна из платформ начала двигаться, перемещая несомую часть колонны.

- Они ещё вместе, и не тебе их разлучать.

- До следующей полной луны. А после... я помогу Садовнику. Я дарю ему утешение, и его слёзы, может быть, смоют кровь с его рук. А ты... иди, поплачь о себе сам. Твоя смерть не будет такой прекрасной, какую я подарила твоему глупому голему. При отчёте я скажу: автоматический механизм повиновения сломался, только и всего. Расследования не нужно, вышедшее из-под контроля устройство мертво. А ты завязывай с этими... звёздами. Ещё одна твоя ошибка, ещё одна угроза мне, и тебя уже никто не защитит.

Улыбнувшись тепло и снисходительно, она повернулась, чтобы удалиться вглубь темной прохлады округлых сводов, но, сделав несколько шагов, задержалась.

- А ты ведь сам... астроном, Защитник, мог бы мне и напомнить, что следующее полнолуние — завтра, - не поворачиваясь, бросила она и со следующим шагом уже растворилась в спасительной для неё полумгле.

Крупный александрит лежал в мастерской, а тот, кто его добыл, стоял, опершись на перила смотровой площадки, опасно нависшей над пропастью, и молча смотрел вперёд. Там, на клочке каменного пола, окруженного со всех сторон пустотой, в объятиях бесплотного духа вальсировала женщина в белом когда-то платье. Ветхий подол был испачкан кровью и каменной крошкой. Синяки на талии и кисти не проходили уже сотни лет. Её грация была идеальна, её страсть — первозданна, её техника — безупречна.

В заносчивости, она считала себя лучшей и просила себе в пару того, кто будет достоин её. И вот, её просьба исполнена. Теперь механический призрак, эта полуреальная эфемерная сущность, – её партнёр. И здесь они будут танцевать до конца. Иногда Ювелир чувствовал, как зреет её душа, как накапливают, подходя к пределу, страсти, как надежда, искренняя и отчаянно чистая, вот-вот порвёт её душу на куски. И тогда он, Ювелир, встанет позади Танцующей и положит руку на её лицо. Ещё в движении, она преклонит колени и отведёт руки назад, и он прочтает над ней молитву возвращения домой. Одним яростным и честным движением танца, который никогда не будет закончен, его рука проникнет в её грудную клетку и вырвет сердце. А когда Ювелир разожмёт кулак, на его ладони окажется самоцвет – суть воплощение её души, эссенция танца, идеал самовыражения как боя с вечной пустотой чужого равнодушия.

Стоя на смотровой площадке сейчас, Ювелир не думал об этом. Вальсирующая пара была не более чем светлым пятном, за которым было удобно следить на темном фоне. Откиннутые волосы, обнажавшие изгиб шеи, изгибающаяся талия – всё казалось не более чем игрой света и тени. Они отвлекали и помогали не думать ни о чём.

В кулаке, который Ювелир то раскрывал, то сжимал вновь, блистал крошкой бриллиант.

- Господин, я закончил ваше поручение, - громко произнёс подмастерье, стремясь привлечь внимание демона. Ювелир сделал глубокий вздох и отвёл взгляд от своего зрелища. Уделив мгновение тому, чтобы ощутить ровный ход часового механизма над площадкой, который чёткими щелчками отмечал каждую прошедшую секунду, он прямо поглядел на своего помощника-механоида. Тот, хотя и имел солидный опыт и острый ум, всё ещё не стал мастером, и, во многом, по воле Ювелира.

Огранщик отличался весьма плотным телосложением, чего не могла скрыть его простая, грубо сшитая одежда — рабочий комбинезон да свободная рубашка. Его шея отливала бронзой, но других механических частей тела посторонний наблюдатель бы не заметил. Чуть одутловатое лицо механоида имело землистый оттенок. Короткие волосы не достигали и середины высокого лба.

- Хорошо. Расскажи подробно.

Автоматические увлажнители воздуха зажужжали, выпуская прохладную влагу в бездонную темноту под террасой.

- Вы просили подобрать для вас идеальную последовательность камней, для того чтобы питать купол лепестковой развёртки над Залом Творения, - произнёс подмастерье, нервничая, и отводя взгляд.

- Да. Я просил об этом много лет назад, и ты всё это время над ней работал, но, тем не менее, твоя прошлая ошибка стоила ученику мастера жизни, - холодно напомнил Ювелир.

- Да, я... учёл её.

- Но ничего не поменял, - глаза Ювелира неожиданно ярко сверкнули бирюзой.

- Нет, господин. Моя ошибка была точно ожидаема мной. Я ждал этого выброса энергии в точном объёме, - механоид поднял на него глаза. На жирной коже лица теснились капли пота, - и он произошёл в полном соответствии с моими ожиданиями, - огранщик шумно выдохнул. Пустота озарилась светом сотен прожекторных ламп в тот момент, когда Танцующая прогнулась назад, поддерживаемая бесплотными руками своего призрачного партнёра, и вновь окрасилась непроглядной мглой, словно поглотив эту вспышку. - Я смог измерить его по крупинцам пыли от циркониев погибшего механоида.

- За этот выброс энергии тебя следует наказать предельно жестоко, - сухо сообщил ему демон. - Энергетические входы в Зале Творения и в пробном месте установки разные. Ты точно вычислил разницу между этими входами и по формуле определил отклонение. Так ты узнал, каким должен был быть энергетический выброс в пробном месте установки в случае, если схема правильно подогнана под Зал Творения. В случае, если ты был прав, тот, кто производил установку, должен был погибнуть. В случае твоей неудачи - вероятно, жить. Жизнь раба Сотворителя ты оценил в ничто. Ценность его ты приравнял к нулю. Готов ли ты также оценить и свою собственную жизнь?

- Да, мой господин, - взгляд подмастерья стал необыкновенно прямым, а голос больше не дрожал.

- Ты знаешь, почему я выбрал в помощники именно тебя? – сменил тему Ювелир, покидая площадку и выходя в коридор с низким потолком, который примыкал к стенам под прямым углом. Здесь пахло сыростью и серой. Ровное механическое жужжание свидетельствовало о том, что кое-где потолку присваивается рельеф.

- Нет, - коротко ответил подмастерье, последовав за своим господином и остановившись одновременно с ним.

- Ты выдающийся, - механоид всё же достал платок и вытер набухшие капли со лба и носа, с висков, однако пот продолжал течь, теперь уже собираясь в струйки. - Твоя жестокая преданность цели, твоя маниакальная озабоченность результатом... Я очень надеюсь на тебя. Мне не хватает крупного хризопраза, и со временем я получу его из твоей души. Ты отпразднуешь это известие, отправившись в катакомбы. Туда, где палачи, разумеется. Настоящие мастера своего дела сейчас заняты. Тебя накажут менее опытные подмастерья, и поэтому я на тебя рассчитываю, и, думаю, ты меня не подведёшь. Проследи, пожалуйста, чтобы твоё наказание было максимально продолжительным и болезненным, привело к одному непоправимому увечью, но не к смерти. Установка купола лепестковой развёртки назначена на послезавтра. Я хочу, чтобы ты там был. До этого дня ни врачей, ни облегчающих боль средств. После – тоже. Если у тебя есть вопросы – задавай их сейчас.

- Рекомендации по увечью, мой господин?

- Я осмотрел твою схему. Она достаточно хороша. В качестве похвалы выбрать можешь сам, - демон отвёл взгляд в сторону, вновь посмотрев на один из многочисленных часовых механизмов, разбросанных по стенам Зала-над-пустотой.

- Достаточно хороша, но не идеальна?

- Нет. Иначе бы тебе не понадобились столь расточительные эксперименты, идеальная схема подтвердила бы сама себя.

Ювелир направился по галерее прочь, к одному из спусковых механизмов и дальше к храмовой железнодорожной станции.

- Господин! – окликнул его подмастерье, но демон не замедлил шага. - Вы заберёте мою душу до или после того, как я стану мастером?

Выбросив клуб пара, подъёмный механизм прибыл на нужный этаж, и Ювелир молча встал на платформу, которая сразу же начала стремительно опускаться.

Продолжение следует...

*Нелле
Санкт-Петербург, 2012*